

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ

*О разделении
общественного
труда
*
Метод
социологии*

Издание подготовил
А. Б. Гофман

Москва «Наука» 1991

*Метод
социологии*

*

подумать, что они представляют собой особый вид. Но юридическое правило — устройство не менее устойчивое и постоянное, чем архитектурный тип, а между тем это факт физиологический.

Простая нравственная максима, конечно, более изменчива, но ее формы бываюТ более устойчивыми, нежели профессиональный обычай или мода. Притом существует целый ряд переходных ступеней, которыми наиболее характерные по своей структуре социальные факты соединяются с теми свободными течениями социальной жизни, которые еще не вылились в определенную форму. Следовательно, между ними есть различия лишь в степени их прочности. И те и другие представляют лишь более или менее кристаллизованную форму. Конечно, быть может, полезно сохранить для социальных фактов, составляющих социальный субстрат, название морфологических, но при этом не надо терять из виду, что по природе своей они одинаковы с другими фактами.

Наше определение будет, следовательно, полно, если мы скажем: *социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: пространственный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений*⁴.

*

Глава II

ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАБЛЮДЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ

Первое и основное правило состоит в том, что *социальные факты нужно рассматривать как вещи*.

I

В тот момент, когда определенный класс явлений становится объектом науки, в уме человеческом существуют

---

⁴ Это тесное родство жизни и структуры, органа и функции может быть легко установлено в социологии, потому что между этими двумя крайними пределами существует целый ряд промежуточных степеней, непосредственно наблюдаемых и обнаруживающих связь между ними. У биологии нет такого средства. Но можно думать, что индукции первой из этих наук по этому поводу применимы и к другой и что в организмах, как и в обществах, между этими двумя категориями фактов существуют различия лишь в степени.

уже не только чувственные образы этих явлений, но и разного рода понятия о них, сформировавшиеся из самых различных источников. Так, еще до первых зачатков физики и химии у людей были уже известные понятия о физико-химических явлениях, выходявшие за пределы чистых восприятий: таковы, например, те понятия, которые примешаны ко всем религиям. Это значит, что на самом деле рефлексия предшествует науке, которая лишь пользуется ею при помощи более строгого метода. Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений. Вместо того чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий. Конечно, этот анализ не исключает непременно всякое наблюдение. К фактам можно обращаться для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы. Но факты в этом случае являются чем-то второстепенным; они служат примерами или подтверждающими доказательствами, а не предметом науки. Последняя движется от идей к вещам, а не от вещей к идеям.

Ясно, что такой метод не может дать объективных результатов. Действительно, эти понятия или концепции, как бы их ни называли, не являются законными заместителями вещей. Эти продукты обыденного опыта призваны прежде всего приводить в гармонию наши действия с окружающим нас миром; они выработаны практикой и для нее. Но эту роль с успехом может выполнить и представление теоретически ложное. Коперник несколько столетий тому назад рассеял иллюзии наших чувств относительно движения светил, а между тем обычно мы распределяем наше время, руководствуясь этими иллюзиями. Для того чтобы какая-нибудь идея вызывала действие, согласное с природой данной вещи, не нужно непременно, чтобы она верно воспроизводила эту природу; достаточно, если она даст нам почувствовать, что в этой вещи полезного или невыгодного, чем она может служить нам и чем повредить. Понятия, сформированные таким образом, представляют эту практическую правильность лишь приблизительно, и то лишь в большинстве

случаев. Как часто они столь же опасны, сколь несовершенно! Следовательно, нельзя открыть законы реальности, разрабатывая эти понятия, как бы мы ни брались за это. Эти понятия, наоборот, походят на покрывало, находящееся между нами и вещами и скрывающее их от нас тем лучше, чем прозрачнее оно нам кажется.

Такая наука не только урезана, но и лишена необходимой ей пищи. Едва она возникает, как уже исчезает, так сказать превращаясь в искусство. Действительно, считается, что означенные понятия содержат в себе все существенное в реальности, так как их смешивают с самой реальностью. Поэтому кажется, что в них есть все, что надо для того, чтобы не только привести нас к пониманию существующего, но и предписывать нам то, что должно быть, и указывать нам средство осуществления должного. Ибо хорошо то, что сообразно с природой вещей; то же, что ей противоречит, плохо, и средства достигнуть одного и избежать другого вытекают из самой этой природы. Если, стало быть, мы постигаем ее сразу, то изучение существующей реальности не имеет более практического интереса, а поскольку именно он служит основанием этого изучения, то последнее отныне становится бесцельным. Таким образом, размышление отворачивается от того, что составляет собственно объект науки, а именно от настоящего и прошлого, с тем чтобы одним прыжком устремиться в будущее. Вместо того чтобы стараться понять факты, уже сложившиеся и реализованные, оно принимается непосредственно за осуществление новых фактов, более отвечающих человеческим целям. Когда люди верят, что познали сущность материи, они сейчас же принимаются за поиски философского камня. Этот захват науки искусством, мешающий первой развиваться, облегчается еще самими обстоятельствами, вызывающими пробуждение научной рефлексии. Так как последняя появляется для удовлетворения жизненных потребностей, то она совершенно естественно оказывается обращенной к практике. Потребности, которые она призвана удовлетворить, всегда настоятельны и потому торопят ее с окончательными выводами: они требуют не объяснений, а лекарств.

Такой подход настолько соответствует естественной склонности нашего ума, что он встречается даже при возникновении физических наук. Именно он отличает алхимию от химии и астрологию от астрономии. Таков, по словам Бэкона, оспариваемый им метод ученых его

времени. Понятия, о которых мы только что говорили, и суть те *notiones vulgares* или *praenotiones*¹, которые он находил в основе всех наук², где они замещают факты³. Это *idola*, род призраков, искажающих истинный вид вещей и принимаемых нами за сами вещи. А так как эта воображаемая среда не оказывает нашему уму никакого сопротивления, то он, не чувствуя никаких стеснений, предается безграничному честолюбию и считает возможным построить или, скорее, перестроить мир одними своими силами и согласно своим желаниям.

Если таково было положение естественных наук, то тем более так должно было произойти с социологией. Люди не дожидались утверждения социальной науки, для того чтобы создать себе понятия о праве, нравственности, семье, государстве, обществе, потому что они не могли жить без них. И в социологии более, чем где-либо, эти «предпонятия», используя выражение Бэкона, могут господствовать над умами и заменять собой вещи. Действительно, социальные явления осуществляются только людьми, они являются продуктами человеческой деятельности. Они, стало быть, не что иное, как осуществление присущих нам идей, врожденных или нет, не что иное, как применение их к различным обстоятельствам, сопровождающим отношения людей между собой. Организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства, общества выступает, таким образом, как простое развитие идей, имеющих у нас относительно общества, государства, справедливости и т. д. Следовательно, эти и аналогичные им факты, по-видимому, обладают реальностью лишь в идеях и через посредство идей, которые являются их источником, а потому и истинным предметом социологии.

Этот взгляд окончательно подтверждается тем, что, поскольку социальная жизнь во всей полноте своей выходит за пределы сознания, последнее не обладает достаточной силой восприятия для того, чтобы чувствовать ее реальность. Так как для такого восприятия у нас нет достаточно тесной и прочной связи с ней, то она легко производит на нас впечатление чего-то ни к чему не прикрепленного, плывущего в пустоте, чего-то полуреального и крайне податливого. Вот почему столько мыслителей видели в социальных устройствах лишь искусствен-

¹ *Novum organum*. I, p. 26.

² *Ibid.*, p. 17.

³ *Ibid.*, p. 36.

ные и более или менее произвольные комбинации. Но если детали или конкретные и частные формы ускользают от нас, то мы, по крайней мере, составляем себе самые общие и приблизительные представления о коллективном бытии в целом, и эти-то схематичные и общие представления и являются теми «предпонятиями», которыми мы пользуемся в обыденной жизни. Мы не можем, стало быть, и помыслить о том, чтобы усомниться в их существовании, так как замечаем последнее одновременно с нашим. Они существуют не только в нас, но, будучи продуктом повторных опытов, они от повторения и происходящей отсюда привычки получают известного рода влияние и авторитет. Мы чувствуем их сопротивление, когда стараемся освободиться от них. А мы не можем не считать реальным того, что нам сопротивляется. Все, следовательно, способствует тому, чтобы заставить нас видеть в них истинную социальную реальность.

(И действительно, до сих пор социология почти исключительно рассуждала не о вещах, но о понятиях.) Конт, правда, провозгласил, что социальные явления суть естественные факты, подчиненные естественным законам. Этим он неявно признал их вещами, так как в природе существуют лишь вещи. Но, выйдя за пределы этих философских обобщений, он пытается применить свой принцип и построить соответствующую ему науку, делая объектом изучения именно идеи. Действительно, главным содержанием его социологии является прогресс человечества во времени. Он отправляется от той идеи, что существует непрерывная эволюция человеческого рода, заключающаяся во все более полной реализации человеческой природы, и ставит своей задачей обнаружение порядка этой эволюции. Однако если и предположить, что эта эволюция существует, то реальность ее существования может быть установлена лишь тогда, когда наука уже возникла; следовательно, ее можно было сделать объектом исследования, лишь выдвигая ее как концепцию разума, а не как вещь. И действительно, это представление совершенно субъективно, фактически этого прогресса человечества не существует. Существуют же и даны наблюдению лишь отдельные общества, которые рождаются, развиваются и умирают независимо одно от другого. Если бы еще позднейшие служили продолжением предшествующих, то каждый высший тип можно было бы рассматривать как простое повторение ближайшего низшего типа с небольшим прибавлением. Можно

было бы поставить их тогда одно за другим, соединяя в одну группу те, которые находятся на одинаковой ступени развития; и ряд, образованный таким образом, мог бы считаться представляющим человечество. Но факты не так просты. Народ, заступающий место другого народа, не является простым продолжением последнего с некоторыми новыми свойствами; он — иной, у него некоторых свойств больше, других меньше. Он составляет новую индивидуальность, и все эти отдельные индивидуальности, будучи разнородными, не могут слиться ни в один и тот же непрерывный ряд, ни, особенно, в единственный ряд. Последовательный ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны. В общем, Конт принял за историческое развитие то понятие, которое он составил о нем и которое немногим отличается от обыденного понятия. Действительно, история, рассматриваемая издали, легко принимает такой простой и последовательный вид. Видны лишь индивиды, последовательно сменяющие друг друга и идущие в одном и том же направлении, так как природа у них одна и та же. Поскольку к тому же считается, что социальная эволюция не может быть ничем иным, как только развитием какой-нибудь человеческой идеи, вполне естественно определить ее тем понятием, которое люди о ней составляют. Однако, действуя таким образом, не только остаются в области идей, но и делают объектом социологии понятие, не имеющее в себе ничего собственно социологического.

Спенсер устраняет это понятие, но лишь для того, чтобы заменить его другим, сформированным по тому же образцу. Объектом науки он считает не человечество, а общества. Но он тут же дает такое определение последних, которое устраняет вещь для того, чтобы поставить на ее место предпонятие, существующее у него об этих обществах. Действительно, он признает очевидным то положение, что «общество существует лишь тогда, когда к совместному пребыванию индивидов добавляется кооперация», что лишь благодаря этому союз индивидов становится обществом в собственном смысле этого слова⁴. Затем, исходя из того принципа, что кооперация есть сущность социальной жизни, он разделяет общества на два класса в зависимости от характера господствующей

---

⁴ Sociologie, III, p. 331, 332.

кооперации. «Существует,— говорит он,— самопроизвольная кооперация, которая происходит непреднамеренно во время преследования целей частного характера; существует также сознательно установленная кооперация, предполагающая ясно признанные цели общественного интереса»⁵. Первые он называет промышленными, вторые — военными, и об этом различии можно сказать, что оно является исходной идеей социологии.

Но это предварительное определение объявляет реальной вещью то, что есть лишь умозрение. Действительно, оно выдается за выражение непосредственно воспринимаемого и констатируемого наблюдением факта, так как оно сформулировано в самом начале науки как аксиома. А между тем невозможно узнать простым наблюдением, действительно ли кооперация есть суть социальной жизни. Такое утверждение было бы научно правомерно лишь в том случае, если бы начали с обзора всех проявлений коллективного бытия и доказали, что все они являются различными формами кооперации. Следовательно, здесь также определенный способ видения социальной реальности заменяет собой эту реальность⁶. Означенной формулой определяется не общество, а та идея, которую составил себе о нем Спенсер. И если он не испытывает никакого сомнения, действуя таким образом, то это потому, что и для него общество есть и может быть лишь реализацией идеи, а именно той самой идеи кооперации, посредством которой он его определяет⁷. Легко показать, что в каждом отдельном вопросе, которого он касается, его метод остается одинаковым. Поэтому хотя он и делает вид, что действует эмпирически, но так как факты, собранные в его социологии, скорее используются для иллюстрации анализа понятий, чем для описания и объяснения вещей, то они лишь кажутся аргументами. В действительности, все существенное в его учении может быть непосредственно выведено из его определения общества и различных форм кооперации. В самом деле, если у нас есть выбор лишь между тиранически навязываемой кооперацией и кооперацией самопроизвольной и свободной, то, очевид-

---

⁵ Ibid., p. 332.

⁶ К тому же способ этот можно оспаривать. См.: *Division du travail social*, II, 2, § 4.

⁷ «Кооперация не может существовать без общества, и это цель, для которой общество существует» (*Principes de sociologie*, III, p. 332).

но, именно последняя и будет тем идеалом, к которому стремится и должно стремиться человечество.

Эти обыденные понятия встречаются не только в основе науки; на них наталкиваешься ежеминутно во всех ее построениях. При нынешнем состоянии наших знаний мы не знаем достоверно, что такое государство, суверенитет, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т. д. Следовательно, с точки зрения правильного метода, нужно было бы запретить себе употребление этих понятий, пока они научно не установлены. А между тем слова, их выражающие, встречаются постоянно в рассуждениях социологов. Их употребляют без запинки и с уверенностью, как будто они соответствуют вещам, хорошо известным и определенным, тогда как они порождают в нас лишь расплывчатые понятия, неясную смесь смутных впечатлений, предрассудков и страстей. Мы смеемся теперь над странными рассуждениями средневековых медиков с их понятиями теплого, холодного, сухого, сырого и т. д. и не замечаем, что продолжаем применять тот же метод к разряду явлений, для которых он менее всего пригоден вследствие их чрезвычайной сложности.

В специальных отраслях социологии этот метод присутствует еще более явно. Особенно часто он используется в изучении нравственности. Действительно, можно сказать, что нет ни одной системы, в которой она не представлялась бы простым развитием исходной идеи, заключающей в себе ее всю. Одни думают, что эту идею человек находит вполне готовой в себе при своем рождении; другие, наоборот, полагают, что она слагается более или менее медленно в ходе истории. Но как для тех, так и для других, как для эмпиристов, так и для рационалистов она составляет все действительно реальное в нравственности. Что же касается деталей юридических и нравственных правил, то они не имеют, так сказать, собственного существования, а являются лишь различными, смотря по обстоятельствам, применениями этой основной идеи к отдельным случаям жизни. Объектом этики оказывается не система предписаний, лишенных реального существования, а идея, из которой они вытекают и разнообразными применениями которой они являются. Поэтому все вопросы, которые задает себе обыкновенно этика, относятся не к вещам, а к идеям. Речь идет о том, чтобы узнать, в чем состоит идея права, идея нравственности, а не какова природа нравст-

венности и права самих по себе. Моралисты не дошли еще до той очень простой идеи, что, подобно тому как наше представление о чувственно воспринимаемых вещах проистекает от самих этих предметов и выражает их более или менее точно, так и наше представление о нравственности вытекает из наблюдения правил, функционирующих у нас перед глазами, и изображает их схематически; что, следовательно, сами эти правила, а не общий взгляд на них, составляют содержание науки, точно так же как предметом физики служат тела в том виде, в каком они существуют, а не идеи, создаваемые о них толпой. Отсюда следует, что за основание нравственности принимают то, что является лишь ее вершиной, а именно ту форму, в которой она отражается и продолжает свое бытие в индивидуальных сознаниях. И этому методу следуют не только в самых общих, но и в специальных вопросах науки. От основных идей, исследуемых вначале, моралист переходит к идеям второстепенным, к идеям семьи, родины, ответственности, милосердия, справедливости; но его рассуждения по-прежнему относятся только к идеям.

Так же обстоит дело и в политической экономии. Предметом ее, говорит Стюарт Милль, служат социальные факты, возникающие главным образом или исключительно с целью накопления богатств⁸. Но, чтобы подходить под это определение факты могли наблюдаться ученым как вещи, нужно было бы, по крайней мере, указать, по какому признаку можно узнать подобные факты. Вначале же науки не имеют права даже утверждать, что они существуют, и тем более нельзя знать, каковы они. Действительно, во всяком виде исследований установить, что факты имеют цель и какова она, возможно лишь тогда, когда объяснение этих фактов достаточно продвинулось вперед. Нет проблемы более сложной и менее пригодной для быстрого решения. Ничего ведь не убеждает нас заранее в том, что существует сфера социальной деятельности, в которой желание богатства играет действительно указанную преобладающую роль.

Вследствие этого предмет политической экономии, понятой таким образом, состоит не из реальностей, которые могли бы быть указаны пальцем, а из простых возможностей, из чистых понятий разума, т. е. из фактов, которые экономист понимает как относящиеся к означенной

---

⁸ *Système de Logique*, III, p. 496.

цели и в том виде, как он их понимает. Изучает ли он, например, то, что называет производством? Нет, он думает, что сразу может перечислить главнейшие факторы его и обозреть их. Это значит, что он узнал об их существовании не посредством наблюдения условий, от которых зависит изучаемое явление, так как иначе он начал бы с изложения опытов, из которых он вывел это заключение. Если же в самом начале исследования и в нескольких словах он приступает к этой классификации, то это значит, что он получил ее простым логическим анализом. Он отправляется от идеи производства; разлагая ее, он находит, что она логически предполагает понятия естественных сил, труда, орудий или капитала, и затем таким же образом трактует производные идеи⁹.

Самая основная экономическая теория, теория стоимости, явно построена по тому же самому методу. Если бы стоимость изучалась в ней так, как должна изучаться реальность, то экономист указал бы сначала, по какому признаку можно узнать предмет, носящий данное название, он классифицировал бы затем его виды, постарался бы индуктивным путем определить, под влиянием каких причин они изменяются, сравнил бы, наконец, добытые им различные результаты и вывел бы из них общую формулу. Теория могла бы, следовательно, явиться лишь тогда, когда наука продвинулась бы достаточно далеко. Вместо этого мы находим ее в самом начале. Дело в том, что для создания ее экономист ограничивается тем, что углубляется в себя, вдумывается в сконструированную им идею стоимости как объекта, способного обмениваться. Он находит, что она включает в себя идеи пользы, редкости и т. д., и на основании этих продуктов своего анализа строит свое определение. Конечно, он подтверждает его некоторыми примерами. Но если подумать о бесчисленных фактах, которые должна объяснить подобная теория, то можно ли признать хоть какую-нибудь доказательную ценность за теми неизбежно редкими фактами, которые по случайному внушению приводятся в ее подтверждение?

Итак, в политической экономии, как и в этике, доля научного исследования очень ограничена, доля же искусства преобладает. В этике теоретическая часть сводит-

⁹ Этот характер проглядывает и в самих выражениях, употребляемых экономистами. Постоянно говорится об идеях: идеи пользы, сбережения, помещения капитала, затрат. См.: *Gide. Principes d'économie politique*, liv. III, ch. I, § 1; ch. II, § 1; ch. III, § 1.

ся к нескольким рассуждениям об идее долга, добра и права. Эти отвлеченные рассуждения также не составляют, строго говоря, науки, потому что цель их — определить не то, каково существующее фактически высшее правило нравственности, а то, каким оно должно быть. Точно так же в экономических исследованиях наиболее место занимает, например, вопрос: должно ли общество быть организовано согласно воззрениям индивидуалистов или социалистов; должно ли государство вмешиваться в промышленные и торговые отношения или предоставить их всецело частной инициативе; должен ли быть в денежной системе монеталлизм или биметаллизм? И т. д. Законы в собственном смысле этого слова там немногочисленны. Даже те, которые привыкли считать таковыми, не заслуживают обыкновенно этого наименования, но являются лишь максимами поведения, замаскированными практическими предписаниями. Возьмем, например, знаменитый закон спроса и предложения. Он никогда не был установлен индуктивно, как выражение экономической реальности. Ни разу не было произведено никакого опыта, никакого методического сравнения для того, чтобы установить, что *фактически* экономические отношения управляются этим законом. Все, что могло быть сделано и что было сделано, состояло в диалектическом доказательстве того, что индивиды должны действовать таким образом, если они хорошо понимают свои интересы, что всякий другой способ действия был бы им вреден и заключал бы в себе настоящее логическое заблуждение со стороны тех, кто его использовал.

Логически необходимо, чтобы самые производительные отрасли промышленности были охотнее всего заняты, чтобы владельцы наиболее редких и пользующихся наибольшим спросом продуктов продавали их по самой высокой цене. Но эта вполне логичная необходимость вовсе не походит на необходимость, присущую истинным законам природы. Последние выражают действительные, а не только желаемые отношения фактов.

Сказанное об этом законе может быть повторено относительно всех положений, которые ортодоксальная экономическая школа называет естественными и которые являются лишь частными случаями предшествующего. Они естественны, если угодно, в том лишь смысле, что указывают средства, которые кажется или может показаться естественным употреблять для достижения намеченной цели. Но их не следует называть так, если под естествен-

ным законом разуметь всякий способ природного бытия, устанавливаемый индуктивно. Они являются, в общем, лишь советами практической мудрости, и если их могли с кажущимся правдоподобием выдавать за выражение самой действительности, то это потому, что — правильно или неправильно — нашли возможным предположить, что этим советам действительно следовало большинство людей и в большинстве случаев.

А между тем социальные явления суть вещи, и о них нужно рассуждать как о вещах. Для того чтобы доказать это положение, не обязательно философствовать об их природе, разбирать их аналогии с явлениями низших миров. Достаточно указать, что для социолога они составляют единственное *datum*^{1*}. Вещью же является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах — значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки. Социальные явления бесспорно обладают этим признаком. Нам дана не идея, создаваемая людьми о стоимости, — она недоступна наблюдению, — а стоимости, реально обмениваемые в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о пользе или о богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, то все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь посредством феноменологической реальности, выражающей их. Мы не знаем *a priori*, от каких идей происходят различные течения, на которые распределяется социальная жизнь, и существуют ли они; лишь дойдя по ним до их источников, мы узнаем, откуда они происходят.

Нам нужно, следовательно, рассматривать социальные явления сами по себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов. Их нужно изучать извне, как внешние вещи, ибо именно в таком качестве они предстают перед нами. Если этот внешний характер лишь кажущийся, то иллюзия рассеется по мере того, как наука будет продвигаться вперед, и мы увидим, как внешнее, так сказать, войдет внутрь. Но решения нельзя предвидеть заранее, и даже если бы в конце концов у них и не оказалось всех существенных свойств вещей, вначале их все-таки надо трактовать так, как будто бы эти свой-

ства у них были. Это правило, стало быть, прилагается ко всей социальной реальности в целом, без всякого исключения. Даже те явления, которые, по-видимому, представляют собою наиболее искусственные устройства, должны рассматриваться с этой точки зрения. *Условный характер обычной или института никогда не должен предполагаться заранее.* Если, кроме того, нам будет позволено сослаться на наш личный опыт, то мы можем уверить, что, действуя таким образом, часто с удовольствием видишь, что факты, вначале кажущиеся самыми произвольными, оказываются при более внимательном наблюдении обладающими постоянством и регулярностью, симптомами их объективности.

Впрочем, сказанного об отличительных признаках социального факта достаточно, чтобы убедить нас в этой объективности и доказать нам, что она непризрачна. Действительно, вещь узнается главным образом по тому признаку, что она не может быть изменена простым актом воли. Это не значит, что она не подвержена никакому изменению. Но, чтобы произвести это изменение, недостаточно пожелать этого, надо приложить еще более или менее напряженное усилие из-за сопротивления, которое она оказывает и которое, к тому же, не всегда может быть побеждено. А мы видели, что социальные факты обладают этим свойством. Они не только не являются продуктами нашей воли, но сами определяют ее извне. Они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия. Часто даже эта необходимость такова, что мы не можем избежать ее. Но если даже нам удастся победить ее, то сопротивление, встречаемое нами, дает нам знать, что мы находимся в присутствии чего-то, от нас не зависящего. Следовательно, рассматривая социальные явления как вещи, мы лишь сообразуемся с их природой.

В конце концов реформа, которую необходимо осуществить в социологии, во всех отношениях тождественна реформе, преобразовавшей в последние тридцать лет психологию. Точно так же как Конт и Спенсер провозглашают социальные факты фактами природы, не трактуя их, однако, как вещи, так и различные эмпирические школы давно уже признали естественный характер психологических явлений, все еще продолжая применять к ним чисто идеологический метод. Действительно, эмпиристы, так же как и их противники, пользовались исключительно интроспекцией. Факты же, наблюдаемые лишь на самом

себе, слишком редки, скоропреходящи и изменчивы, чтобы приобрести значение и власть над нашими привычными понятиями о них. Когда же последние не подчинены другому контролю, у них нет противовеса, вследствие чего они занимают место фактов и составляют содержание науки. Так, ни Локк, ни Кондильяк не рассматривали психические явления объективно. Они изучали не ощущение, а определенную идею ощущения. Поэтому-то, хотя в некоторых отношениях они и подготовили почву для научной психологии, последняя возникла гораздо позднее, когда, наконец, дошли до понимания того, что состояния сознания могут и должны рассматриваться извне, а не с точки зрения испытывающего их сознания.

Такова великая революция в этой области. Все особые приемы, все новые методы, которыми обогатилась эта наука, суть лишь различные средства полнее осуществить эту основную идею. Такой же прогресс остается осуществить социологии. Нужно, чтобы из субъективной стадии, из которой она еще почти не вышла, она перешла к стадии объективной.

Этот переход к тому же здесь более легок, чем в психологии. Действительно, психические факты по самой природе своей даны как состояния субъекта, от которого они, по-видимому, не отделимы. Так как они являются внутренними по самому определению, то их нельзя, по-видимому, рассматривать как внешние, не искажая при этом их природы. Для того чтобы рассматривать их таким образом, нужно не только усилие абстракции, но и целая совокупность приемов и уловок. Наоборот, в социальных фактах гораздо более естественно и непосредственно присутствуют все признаки вещи. Право существует в кодексах, ход повседневной жизни записывается в статистические таблицы, в исторические памятники, моды воплощаются в костюмах, вкусы — в произведениях искусства. В силу самой своей природы они стремятся установиться вне индивидуальных сознаний, так как господствуют над последними. Следовательно, для того чтобы видеть их как вещи, не нужно замысловато их истолковывать. С этой точки зрения у социологии перед психологией есть важное преимущество, которое не было замечено до сих пор, но которое должно ускорить ее развитие. Ее факты, может быть, труднее объяснить, так как они более сложны, но их легче уловить наблюдением. Психология же, наоборот, с большим трудом не только обрабатывает, но и добывает факты. Следовательно,

можно думать, что, когда данный принцип социологического метода будет единодушно признан и применен на практике, социология будет прогрессировать с такой быстротой, которую нельзя даже представить себе, судя по медленности ее теперешнего развития. И тогда она даже опередит психологию, обязанную своим превосходством исключительно своему историческому старшинству¹⁰.

II

Но опыт наших предшественников показал нам, что, для того чтобы обеспечить практическое существование этой только что установленной истины, недостаточно ни теоретически доказать ее, ни даже проникнуться ею. Ум настолько склонен не признавать ее, что мы неизбежно вернемся к прежним заблуждениям, если не подчинимся строгой дисциплине, главнейшие правила которой будут сейчас изложены как королларии предыдущего правила.

1. Первый королларий состоит в следующем: *нужно систематически устранять все предположения.*

Специальное доказательство этого правила излишне, оно вытекает из всего, что было сказано раньше. Оно, кроме того, составляет основание всякого научного метода. Методическое сомнение Декарта есть, в сущности, лишь его применение. Если в процессе основания науки Декарт ставит себе за правило сомневаться во всех тех идеях, которые он получил раньше, то это значит, что он хочет пользоваться лишь научно обоснованными понятиями, т. е. понятиями, выработанными по устанавливаемому им методу; все те, которые он получает из другого источника, должны быть отброшены, по крайней мере, временно. Мы уже видели, что теория идолов у Бэкона имеет тот же смысл. Обе великие доктрины, столь часто противоположаемые друг другу, совпадают в этом основном пункте. Нужно, стало быть, чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств, категорически отказался от употребления таких понятий, которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и

---

¹⁰ Правда, большая сложность социальных фактов делает изучение их более затруднительным, но в виде компенсации за это социология, будучи последней, может воспользоваться успехами, достигнутыми ранее появившимися науками, и многому научиться у них. Это использование уже существующего не может не ускорить ее развитие.

навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим. И если все же ипогда необходимость вынудит его прибегнуть к ним, то пусть, по крайней мере, он сделает это с сознанием их малой ценности, для того чтобы не отводить им в доктрине роли, которой они недостойны.

Это освобождение потому особенно трудно в социологии, что здесь часто бывает замешано чувство. Действительно, к нашим политическим и религиозным верованиям, к важным нравственным правилам мы относимся со страстью, совсем иначе, чем к объектам физического мира; этот страстный характер влияет на наше понимание и объяснение их. Идеи, разрабатываемые нами о них, так же близки нашему сердцу, как и их объекты, и приобретают поэтому такой авторитет, что не выносятся противоречия. Ко всякому мнению, противоречащему им, относятся враждебно. Возьмем, например, какое-нибудь утверждение, несогласное с идеей патриотизма или индивидуального достоинства. Его будут отрицать, на какие бы доказательства оно ни опиралось. За ним не признают истинности и заранее не примут, а страсть для своего оправдания без труда внушит доводы, легко признаваемые решающими. У этих понятий может быть такой престиж, что они вообще будут нетерпимы к научному исследованию. Сам тот факт, что они и явления, ими выраженные, подвергаются холодному и сухому анализу, возмущает некоторые умы. Всякий, собирающийся изучать нравственность извне и как внешнюю реальность, кажется этим утонченным людям лишенным нравственного чувства, как вивисектор кажется толпе лишенным обыкновенной чувствительности. Не только не допускают, что эти чувства подлежат научному рассмотрению, но считают себя обязанными обращаться к ним для того, чтобы заниматься наукой о вещах, к которым они относятся.

«Горе ученому,—воскликает один красноречивый историк религии,—горе ему, если он приступает к божественным предметам, не сохраняя в глубине своего сознания, в неразрушимых недрах своего духа, там, где спят души предков, сокровенного святилища, из которого временами поднимается благоухание фимиама, строка псалма, страдальческий или победный крик, с каким он ребенком обращался к небу по примеру своих братьев и который внезапно связывает его с пророками»¹¹.

---

¹¹ Darmesteter L. Les prophètes d'Israel. p. 9.

Любое возражение будет слишком слабо против этой мистической доктрины, которая, как и всякий мистицизм, является, в сущности, лишь замаскированным эмпиризмом, отрицающим всякую науку. Чувства, имеющие объектом социальные вещи, не имеют преимущества перед другими чувствами, так как происхождение их то же самое. Они тоже образовались исторически, они также продукт человеческого опыта, по опыту неясного и неорганизованного. Они возникают не вследствие какого-то неизвестного трансцендентального предвосхищения действительности, но являются результирующей всевозможных впечатлений и эмоций, собранных беспорядочно, случайно, без методической интерпретации. Они не только не дают нам света высшего, чем свет разума, но образованы исключительно из неясных, хотя и сильных, состояний. Приписывать им преимущество — значит отдать первенство низким способностям разума над высшими, значит обречь себя на более или менее витиеватые словопрения. Наука, созданная таким образом, может удовлетворять лишь те умы, которые предпочитают мыслить скорее в согласии со своим чувством, чем с разумом, предпочитают непосредственные и туманные синтезы, даваемые ощущением ясному и терпеливому мыслительному анализу. Чувство — объект науки, а не критерий научной истины. Впрочем, нет науки, которая в начале своем не встречалась бы с подобными препятствиями. Было время, когда чувства, относящиеся к предметам физического мира и обладающие религиозным или нравственным характером, с не меньшей силой противились установлению физических наук. Можно, следовательно, надеяться, что этот предрассудок, постепенно изгоняемый то из одной науки, то из другой, исчезнет наконец и из последнего своего убежища — социологии и предоставит и здесь полный простор ученому.

2. Предыдущее правило носит отрицательный характер. Оно рекомендует социологу избавиться от гнета обыденных понятий и обратить свое внимание на факты. Но оно не говорит, каким образом он должен уловить последние с целью объективно изучить их.

Всякое научное исследование обращено на определенную группу явлений, отвечающих одному и тому же определению. Первый шаг социолога должен, следовательно, заключаться в определении тех вещей, которые он будет изучать, с тем чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь. Это первое и обязательнейшее условие всякого

доказательства и всякой проверки; в действительности можно контролировать какую-нибудь теорию, лишь умея различать факты, которые она должна объяснить. Кроме того, поскольку именно этим первоначальным определением устанавливается сам объект науки, то последний будет вещью или нет в зависимости от того, каким будет это определение.

Для того чтобы оно было объективным, нужно, очевидно, чтобы оно выражало явления не на основании идеи о них, а на основании внутренне присущих им свойств. Нужно, чтобы оно характеризовало их через составные элементы их природы, а не по соответствию их с более или менее идеальным понятием. Но в тот момент, когда исследование только начинается, когда факты не подверглись еще никакой обработке, могут быть добыты лишь те их признаки, которые являются достаточно внешними для того, чтобы быть непосредственно видимыми. Несомненно, признаки, скрытые глубже, более существенны. Их объяснительная ценность выше, но они неизвестны на этой фазе науки и могут быть предвосхищены лишь в том случае, если реальность будет заменена какой-нибудь концепцией. Следовательно, содержание этого основного определения нужно искать среди первых. С другой стороны, ясно, что это определение должно содержать в себе без исключения и различия все явления, обладающие теми же признаками, так как у нас нет ни основания, ни средств выбирать между ними. Эти свойства тогда — все известное нам о реальности; поэтому они должны иметь решающее значение при группировке фактов. У нас нет никакого другого критерия, который мог бы хотя бы отчасти ограничить действие предыдущего. Отсюда следующее правило: *Объектом исследования следует выбирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими для них внешними признаками, и включать в это же исследование все явления, отвечающие данному определению.* Мы констатируем, например, существование некоторого количества действий, обладающих тем внешним признаком, что совершение их вызывает со стороны общества особую реакцию, называемую наказанием. Мы составляем из них группу *sui generis*, которую мы помещаем в одну общую рубрику. Мы называем преступлением всякое наказуемое действие и делаем преступление, определяемое таким образом, объектом особой науки, криминологии. Точно так же мы наблюдаем внутри всех известных обществ существование

еще отдельных маленьких обществ, узнаваемых нами по тому внешнему признаку, что они образованы из лиц, связанных между собой известными юридическими узлами и большею частью кровным родством. Из фактов, сюда относящихся, мы составляем особую группу и называем ее особым именем; это — явления семейной жизни. Мы называем семьей всякий агрегат подобного рода и делаем ее объектом специального исследования, не получившего еще определенного наименования в социологической терминологии. Переходя затем от семьи вообще к различным семейным типам, надо применять то же правило. Приступая, например, к изучению клана, или материнской семьи, или семьи патриархальной, надо начать с определения их по тому же самому методу. Предмет каждой проблемы, будь она общей или частной, должен быть установлен согласно тому же принципу.

Действуя таким образом, социолог с первого шага вступает прямо в сферу реального. Действительно, такой способ классификации фактов зависит не от него, не от особого склада его ума, а от природы вещей. Признак, вследствие которого факты относятся к той или иной группе, может быть указан всем, признан всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть проверены другими. Правда, понятие, сформированное таким образом, не всегда совпадает и даже обыкновенно не совпадает с обыденным понятием. Так, например, очевидно, что факты свободомыслия или нарушения этикета, столь неуклонно и строго наказываемые во многих обществах, не считаются общим мнением преступными даже по отношению к этим обществам. Точно так же клан не есть семья в обыкновенном значении слова. Но это не важно, так как речь идет не просто о том, чтоб открыть средство, позволяющее нам достаточно надежно находить факты, к которым применяются слова обыденного языка и идеи, ими выражаемые. Нам нужно из различных деталей создавать новые понятия, приспособленные к нуждам науки и выражаемые при помощи специальной терминологии. Это не значит, конечно, что обыденное понятие бесполезно для ученого; нет, оно служит указателем. Он информирует нас, что где-то существует группа явлений, объединенных одним и тем же названием и, следовательно, по всей вероятности, имеющих общие свойства; так как он всегда в какой-то мере связан с явлениями, то иной раз он может даже указывать нам, хотя и в общих чертах, в каком направлении нужно искать их.

Но так как он сформировался беспорядочно, то вполне естественно, что он не вполне совпадает с научным понятием, созданным в связи с ним¹².

Как бы очевидно и важно ни было это правило, оно почти не соблюдается в социологии. Именно потому, что в ней говорится о таких вещах, о которых мы говорим постоянно, как, например, семья, собственность, преступление и т. д., социологу кажется чаще всего бесполезным предварительно и точно определять их. Мы так привыкли пользоваться этими словами, беспрестанно употребляемыми нами в разговоре, что нам кажется бесполезным определять тот смысл, в котором мы их употребляем. Ссылаются просто на общепринятое понятие. Последние же очень часто многозначны. Эта многозначность служит причиной того, что под одним и тем же термином и в одном и том же объяснении соединяют вещи, в действительности очень различные. Отсюда возникает неисправимая путаница. Так, существует два вида моногамических союзов: одни фактические, другие носят юридический характер. В первых у мужа бывает лишь одна жена, хотя юридически он может иметь их несколько; во вторых закон воспрещает им быть полигамными. Фактическая моногамия встречается у многих видов животных и в некоторых низших обществах, и встречается не спорадически, а так же часто, как если бы она предписывалась законом. Когда народ рассеян на обширном пространстве, общественная связь очень слаба, и вследствие этого индивиды живут изолированно друг от друга. Тогда каждый мужчина, естественно, старается добыть себе жену, и только одну, потому что в этом состоянии разобщения ему трудно иметь их несколько. Обязательная же моногамия наблюдается, наоборот, лишь в наиболее развитых обществах. Эти два вида супружеских союзов имеют, следовательно, очень различное значение,

---

¹² На практике всегда отправляются от обыденного понятия и обыденного слова. Ищут, нет ли среди вещей, смутно обозначаемых этим словом, таких, которые имели бы общие внешние признаки. Если таковые находятся и если понятие, образованное подобной группировкой фактов, хотя и не вполне (что редко), но, по крайней мере в большей части своей, совпадает с понятием обыденным, то можно продолжать обозначать его тем же словом, как и последнее, и можно сохранить в науке выражение, употребляющееся в разговорном языке. Но если уклонение слишком значительно, если обыденное понятие смешивает в себе ряд различных понятий, то создание новых и специальных терминов становится необходимым.

а между тем они обозначаются одним и тем же словом, так, как говорят о некоторых животных, что они моногамны, хотя у них нет ничего похожего на юридические обязательства. Так, Спенсер, приступая к изучению брака, употребляет слово «моногамия», не определяя его, в обыкновенном и двусмысленном значении. Отсюда вытекает, что эволюция брака кажется ему содержащей необъяснимую аномалию, так как он думает, что высшая форма полового союза наблюдается уже на первых этапах исторического развития, что она вскоре исчезает в промежуточном периоде и затем появляется снова. Из этого он заключает, что нет определенного соотношения между социальным прогрессом вообще и прогрессивным движением к совершенному типу семейной жизни. Надлежащее определение предупредило бы эту ошибку¹³.

В других случаях тщательно стараются определить подлежащий исследованию объект, но, вместо того чтобы включить в определение и сгруппировать под одной и той же рубрикой все явления, имеющие одни и те же внешние свойства, между ними производят сортировку. Выбирают некоторые из них, нечто вроде элиты, и только за ними признают право иметь данные свойства. Что же касается остальных, то их принимают как бы за узурпаторов этих отличительных признаков и с ними не считаются. Но легко предвидеть, что таким образом можно получить лишь субъективное и искаженное понятие. Действительно, указанное отбрасывание может быть сделано лишь в соответствии с предвзятой идеей, потому что вначале никакое исследование не успело еще установить наличие подобной узурпации, даже если предположить, что она возможна. Выбранные явления были взяты лишь потому, что они более других отвечали той идеальной концепции, которая была создана об этом виде реальности. Например, Гарофало в начале своей «Криминологии» очень хорошо доказывает, что точкой отправления этой науки должно быть «социологическое понятие о преступлении»¹⁴. Но, для того чтобы создать это понятие, он не сравнивает без различия все те действия, которые в обществах разного типа неуклонно влекли за собой наказания, а только некоторые из них, именно те, которые

---

¹³ То же отсутствие определения позволяло иногда утверждать, что демократия в равной мере встречается и в начале, и в конце истории. Истина в том, что первобытная демократия и теперешняя весьма отличаются друг от друга.

¹⁴ *Garofalo. Criminologie*, p. 2.

оскорбляют средние и неизменные элементы нравственно-го чувства. Что же касается нравственных чувств, исчезнувших в ходе эволюции, то они кажутся ему не основанными на природе вещей по той причине, что им не удалось сохраниться. Вследствие этого действия, считавшиеся преступными, так как они оскорбляли эти чувства, заслужили, по его мнению, это название лишь благодаря случайным и более или менее патологическим обстоятельствам. Но такое исключение он делает лишь вследствие сугубо субъективной концепции нравственности. Он отталкивается от идеи, что нравственная эволюция, взятая у самого своего источника или вблизи его, изобилует всякого рода шлаком и примесями, которые она затем постепенно уничтожает, и лишь теперь ей удалось избавиться от всех случайных элементов, нарушавших ее течение. Но этот принцип не является ни очевидной аксиомой, ни доказанной истиной, это лишь гипотеза, которую к тому же ничто не подтверждает. Изменчивые элементы нравственного чувства не менее обусловлены природой вещей, чем элементы неизменные; изменения, через которые прошли первые, доказывают лишь, что сами вещи изменились. В зоологии специфические формы, присущие низшим видам, считаются не менее естественными, чем формы, повторяющиеся на всех ступенях иерархии видов животных. Точно так же действия, считающиеся преступными в первобытных обществах и утратившие это наименование, действительно преступны по отношению к этим обществам, как и те, за которые мы продолжаем наказывать теперь. Первые соответствуют изменчивым условиям социальной жизни, вторые — условиям постоянным, но первые не более искусственны, чем вторые.

Более того: даже если бы эти действия незаконно приняли криминологический характер, их все-таки не следует радикально отделять от других, так как болезненные формы любого явления имеют ту же природу, что и формы нормальные, вследствие чего для определения этой природы необходимо наблюдать как первые, так и вторые. Болезнь не противопоставляется здоровью, это две разновидности одного и того же рода, взаимно проявляющие друг друга. Это правило, давно уже признанное и практикуемое как в биологии, так и в психологии, социолог точно так же должен уважать. Если только не допускать, что одно и то же явление может быть вызвано то одной, то другой причиной, т. е. если не отрицать принцип причинности, то причины, придающие действию

отличительный признак преступления «ненормальным» образом, в видовом отношении не могут отличаться от причин, вызывающих тот же результат нормальным порядком; вторые отличаются от первых лишь степенью или тем, что они не действуют при той же совокупности обстоятельств. Ненормальное преступление, стало быть, все равно преступление и должно поэтому входить в определение преступления. Что же получается? А то, что Гарофало принимает за род то, что есть лишь вид или даже простая разновидность. Факты, к которым прилагается его формула преступности, представляют лишь ничтожное меньшинство из тех фактов, которые она должна была бы охватывать, так как она не подходит ни к религиозным преступлениям, ни к преступлениям против этикета, церемониала, традиций и пр., которые, хотя и исчезли из наших современных кодексов, зато заполняют почти все уголовное право предшествующих обществ.

Это такая же ошибка в методе, как и та, вследствие которой некоторые ученые отказывают дикарям во всякой нравственности¹⁵. Они исходят из идеи, что только наша нравственность есть нравственность; но она, очевидно, неизвестна первобытным народам или существует у них в зародышевом состоянии. Но это определение произвольно. Применим наше правило — и все изменится. Для того чтобы определить, нравственно или безнравственно какое-нибудь предписание, мы должны рассмотреть, имеет оно или нет внешний признак нравственности. Признак этот заключается в репрессивной диффузной санкции, т. е. в осуждении общественным мнением всякого нарушения этого предписания. Всякий раз, когда мы встречаемся с фактом, содержащим этот признак, мы не имеем права отказать ему в названии нравственного, так как этот признак служит доказательством тождества его природы с природой других нравственных фактов. Правила же такого рода не только встречаются в низших обществах, но они в них еще многочисленнее, чем в обществах цивилизованных. Масса действий, предоставленных теперь свободному суждению, предписывалась тогда как обязательная. Ясно, в какие заблуждения можно впасть, когда или не дают определения, или определяют плохо.

Но могут сказать: определяя явления по их видимым признакам, не отдаем ли мы тем самым предпочтение

¹⁵ *Lubbock*. Les origines de la civilisation, ch. VIII. Не менее неправильно говорить вообще, что древние религии безнравственны. Истина же в том, что у них своя собственная нравственность.

поверхностным свойствам в ущерб основным атрибутам? не значит ли это, перевернув логический порядок, базироваться на верхушках, а не на основаниях вещей?

Так, определяя преступление через наказание, почти неизбежно подвергают себя обвинению в желании вывести преступление из наказания, или, согласно известной цитате, в желании видеть источник стыда в эшафоте, а не в искупаемом действии. Но упрек покоится на смещении. Так как определение, правило которого мы только что сформулировали, помещается в начале научного исследования, то оно не имеет целью выражать сущность реальности, оно должно лишь дать нам возможность достигнуть этого в дальнейшем. Единственная его функция заключается в том, чтобы привести нас в соприкосновение с вещами, а так как последние доступны разуму лишь извне, то оно и выражает их по их внешним свойствам. Но оно не объясняет эти вещи; оно обеспечивает лишь начальную точку опоры, необходимую нам для объяснения. Конечно, не наказание создает преступление, но лишь посредством его преступление обнаруживается внешним образом, и от него поэтому мы должны отталкиваться, если хотим дойти до понимания преступления.

Приведенное возражение было бы обоснованно лишь в том случае, если бы внешние признаки были в то же время случайными, т. е. если бы они не были связаны с основными свойствами. Действительно, в таких условиях наука, отметив их, не имела бы никакой возможности идти дальше; она не могла бы проникнуть глубже в реальность, так как не было бы никакого связующего звена между поверхностью и глубиной. Но если только принцип причинности не есть пустое слово, то в тех случаях, когда определенные признаки одинаково и без всякого исключения встречаются во всех явлениях данной группы, можно быть уверенным, что они тесно связаны с природой этих явлений и соответствуют ей. Если некая группа действий одинаково представляет ту особенность, что с ней связана уголовная санкция, то это значит, что существует тесная связь между наказанием и основными свойствами этих действий. Поэтому, как бы поверхностны ни были эти свойства, если они наблюдались с помощью правильного метода, они хорошо указывают ученому тот путь, по которому он должен следовать, чтобы проникнуть в глубину вещей. Они являются первым и необходимым звеном той цепи, которую образуют научные объяснения.

Так как внешняя сторона вещей дается нам ощущение

нием, то, резюмируя, можно сказать, что наука, чтобы быть объективной, должна исходить не из понятий, образовавшихся без нее, а из ощущений. Она должна заимствовать прямо у чувственных данных элементы своих первоначальных определений. И действительно, достаточно представить себе, в чем состоит дело науки, чтобы понять, что она не может действовать иначе. Ей пужны понятия, выражающие вещи адекватно, такими, каковы они суть, а не такими, какими их полезно представлять себе для практики. Те же понятия, которые установились без ее помощи, не отвечают этому условию. Нужно, стало быть, чтобы она создала новые, а для этого, устраняя общепринятые понятия и слова, их выражающие, она должна вернуться к ощущению — первой и необходимой основе всех понятий. Именно из ощущения исходят все общие идеи, истинные и ложные, научные и ненаучные. Точка отправления науки или умозрительного знания не может, следовательно, быть иной, чем точка отправления обычного или практического знания. Лишь затем, в способе обработки этого общего материала начинаются различия.

3. Но ощущение вполне может быть субъективным. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными, и сохранять исключительно те, которые свойственна достаточная степень объективности. Таким образом, физик заменяет неясные впечатления, производимые температурой или электричеством, зрительным представлением колебаний термометра или электрометра. Социолог должен прибегать к тем же предосторожностям. Внешние признаки, на основании которых он определяет объект своих исследований, должны быть объективны, насколько только это возможно.

Можно сформулировать принцип, что социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более полно освобождены они от индивидуальных факторов, в которых они проявляются.

Действительно, ощущение тем объективнее, чем постояннее объект, к которому оно относится, так как условие всякой объективности — существование постоянного и неизменного ориентира, к которому может быть обращено представление и который позволяет исключить из него все изменчивое, т. е. субъективное. Если единственные данные нам ориентиры сами изменчивы и никогда не остаются равными себе, то нет никакой общей меры,

и у нас нет никакого средства различать, что в наших впечатлениях зависит от внешнего мира, а что исходит от нас. Но пока социальная жизнь не изолирована и не существует отдельно от воплощающих ее событий, она обладает именно этим свойством, вследствие того что события эти в разных случаях и ежеминутно меняют свой облик, сообщая ей свою подвижность. Она состоит тогда из ряда свободных течений, которые постоянно находятся в процессе преобразований и не могут быть схвачены взором наблюдателя. Значит, это не та сторона, с которой ученый может приступить к изучению социальной реальности. Но мы знаем, что последняя содержит в себе ту особенность, что, не переставая быть самой собой, она способна кристаллизоваться. Вне индивидуальных действий, ими возбуждаемых, коллективные привычки выражаются в определенных формах, юридических и нравственных правилах, народных поговорках, фактах социальной структуры и т. д. Так как эти формы устойчивы и меняются в зависимости от того, как их применяют, то они составляют устойчивый объект, постоянную меру, всегда доступную наблюдателю и не оставляющую места для субъективных впечатлений и чисто личных представлений. Юридическое правило есть то, что оно есть, и нет двух способов понимать его. Поскольку, с другой стороны, эти обычаи являются консолидированной социальной жизнью, то правомерно — если нет указаний на противоположное¹⁶ — изучать последнюю через них.

Следовательно, когда социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен стараться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений. В силу этого-то принципа мы изучали общественную солидарность, ее различные формы и их эволюцию через систему юридических правил, их выражающих¹⁷. Точно так же, если пытаться различать и классифицировать разные типы семьи по литературным описаниям путешественников, а иной раз и историков, то можно подвергнуться опасности смешать самые различные виды, сблизить самые отдаленные типы. Если же, наоборот, основанием этой классификации сделать юри-

¹⁶ Нужно было бы, например, иметь основания считать, что в данный момент право больше не выражает истинного состояния социальных отношений, для того чтобы указанная замена не была правомерной.

¹⁷ См.: Division du travail social, I, 1.

дическое строение семьи, особенно наследственное право, то мы получим объективный критерий, который, не будучи безусловным, предупредит тем не менее многие заблуждения¹⁸. Допустим, мы хотим классифицировать различные виды преступлений. Тогда надо постараться воссоздать образ жизни, профессиональные обычаи, употребляемые в различных частях преступного мира, и мы признаем столько же криминологических типов, сколько различных форм представляет его организация. Для того чтобы постичь нравы, народные верования, нужно обратиться к пословицам и поговоркам, их выражающим. Конечно, действуя таким образом, мы оставляем временно вне науки конкретное содержание коллективной жизни, а между тем, как бы изменчиво оно ни было, мы не имеем права *a priori* постулировать его непознаваемость. Но если хотеть следовать путем правильного метода, то первые пласты науки нужно утверждать на твердой почве, а не на зыбком песке. Нужно приступить к миру социальных явлений с тех сторон, с которых он наиболее доступен научному исследованию. Лишь позднее можно будет вести исследование дальше и, последовательно приближаясь, постепенно проникнуть в эту ускользающую реальность, которой, быть может, ум человеческий никогда не будет в силах овладеть вполне.

*

Глава III

ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАЗЛИЧЕНИЮ НОРМАЛЬНОГО И ПАТОЛОГИЧЕСКОГО

Наблюдение, осуществляемое согласно упомянутым правилам, охватывает два разряда фактов, весьма различных по некоторым своим признакам: факты, которые именно таковы, какими они должны быть, и факты, которые должны бы были быть другими,— явления нормальные и патологические. Мы уже видели, что их необходимо одинаково включать в определение, которым должно начинаться всякое исследование. Но если в некоторых отношениях они и одной и той же природы, то все-таки они составляют две разновидности, которые важно различать.

---

¹⁸ Ср. нашу работу: *Introduction à la sociologie de la famille. Annales de la faculté des lettres de Bordeaux. 1889.*